

**Григорий Осипович Винокур
(1896–1947)**

© О. В. НИКИТИН,
доктор филологических наук

В статье анализируется научное наследие Г.О. Винокура. Основной акцент делается на развитии его идей в области филологического строительства: от первых опытов по «лингвистической технологии» речи и реформирования традиционных подходов к словесности до создания филологии как науки. Отмечается значительный вклад ученого в социолингвистику и экологию языка, лексикографию, стилистику и «поэтическое языкознание», филологическую критику и текстологию, его новаторство в изучении и интерпретации истории и теории словесной культуры.

Ключевые слова: Московский лингвистический кружок, социолингвистика, философия языка, лексикография, история русского языка, филологическая критика, текстология.

The article analyzes the scientific heritage of G. O. Vinokur. The main focus is on the development of his ideas in the field of linguistic construction: from the first attempts at «linguistic technology» speech and reform of traditional approaches to literature to the establishment of Philology as a science. There has been a significant contribution of the scientist in sociolinguistics and the ecology of language, lexicography, style and «poetic linguistics», philological criticism and textology, his innovation in the study and interpretation of the history and theory of verbal culture.

Key words: the Moscow linguistic circle, sociolinguistics, philosophy of language, lexicography, history of the Russian language, linguistic criticism, textual.

«Он был филологом
в настоящем смысле этого слова...»

С.И. Ожегов

Григорий Осипович Винокур (1896–1947) – ученый из той эпохи мастеров словесной культуры, которые были носителями и проповедниками подлинных традиций филологии в ее исконном понимании – как искусство речи, «гранесловие», как соприкосновение с художественным символом. И с другой стороны – как способ осмысления мира средствами языка, его звуков и форм, истории и стилистической стихии, где властвуют строгие законы и структура языка является незыблемым остовом четкой системы научных знаний.

Именно гуманитаристика рубежа XIX–XX вв. стала прорывной отраслью, в которой уживались классическое образование старой академической школы и эксперименты молодых филологов, выносившие их на другое поле словесных баталий, где рождались гениальные идеи, апробировались новые подходы, решались ключевые вопросы передовой лингвистики начала 1900-х и просто царил атмосфера живой мысли. Показательно, что один из руководителей Московского лингвистического кружка А.А. Буслаев на праздновании его пятилетия в 1920 году сказал, что «главная задача Кружка – *методологическая* (курсив наш. – О.Н.) революция» [1. С. 364]. И эти 20–30 лет XX века значат очень много для современной филологии. По сути, именно старания «ушаковских мальчишек» осуществили прорыв в новую систему координат науки и дали импульс развитию перспективных направлений филологической мысли.

Г.О. Винокур как ученый воспитывался в очень колоритной среде московской интеллигенции «околофутуристического» движения В.В. Маяковского и «ЛЕФа» и традиционной школы Московского университета с его фортунатовскими идеями. Он участвовал, как сейчас говорят, в новых проектах: Московском лингвистическом кружке, Московской диалектологической комиссии, где как раз молодое поколение исследователей и было той движущей силой филологии, которая осуществляла этот прорыв. А имена многих участников дискуссий тех лет (Б.В. Томашевский, Р.О. Якобсон, П.Г. Богатырев, Н.Ф. Яковлев, Н.И. Жинкин, А.А. Реформатский и др.) стали уже хрестоматийными.

Здесь, в неформальной, почти домашней атмосфере многого представляется удивительным: и смелый анализ словесных форм, и движение от поэтики к лингвистике, и споры о роли семантики в науке о языке, и вечная проблема «внутренней формы» Гумбольдта, и доклады об экспедиционной деятельности участников МЛК. Здесь зарождались идеи современной семиотики и структурализма. Это был особый филологический мир, за пределами которого – вдребезги разрушенная страна, покалеченные судьбы... И словно не замечая окружающей обстановки, а может быть, и вопреки ей, воодушевленные желанием *созидать*, творить новую историю словесности, они все жили этим эмоциональным филологическим вдохновением. Московский лингвистический кружок для многих из них и, конечно же, для Г.О. Винокура стал школой

научной жизни и поиска собственного пути и мировоззрения (он был председателем в 1922–1923 гг.).

«Доклады и дебаты неизменно выдвигали тесную связь между языкознанием и литературоведением, продолжая и углубляя в этом отношении традицию московских филологов от Ф. И. Буслаева до Корша, Р. Ф. Брандта и В. Н. Щепкина. Всестороннее исследование поэтики, в частности стихосложения, и соотношение между письменным и устным словесным творчеством входило в основную программу занятий, а от работ по народной словесности пути естественно вели к этнологическим разысканиям большего охвата» [1. С. 367]. Г.О. Винокур был одним из самых активных участников этих дебатов. Он выступал в прениях по разным проблемам: изучение пролетарской поэзии; народные анекдоты; сюжетосложение «Идиота» Достоевского; о языках малых народностей и языковой политике; о синтаксических взглядах Корша; о современных народных легендах; о кинематографическом искусстве; о поэтическом языке произведений Хлебникова; об эвфонике сербских двенадцатисложных заплачек [2. С. 360 и далее]. Среди разнородной палитры идей представителем МЛК Г.О. Винокур выделялся своими четкими взглядами и предпочтениями, которые впоследствии переросли в концептуальные идеи и книги (см., например книгу «Культура языка: Очерки лингвистической технологии» [3]). Так, Р.О. Якобсон вспоминал, что Г.О. Винокур делал «упор на проблемы языковой культуры» [1. С. 368]. И уже тогда его мысли нашли отклик в Европе и обсуждались в Пражском лингвистическом кружке. Один такой эпизод воспроизведен в примечаниях М.И. Шапира к публикации уже цитировавшейся нами статьи Р.О. Якобсона «Московский лингвистический кружок» (из письма Р.О. Якобсона Г.О. Винокуру от 16 февраля 1926 г.): «Если встретишься (sic!) с Яковлевым, он тебе порасскажет о нас, он у нас гостил, и было много интересных лингвистических дебатов» [...] 5ого дек. в лингвистическом кружке под председательством проф. Вилема Матезиуса (известный англист, не смешивай с тем Матезиусом, кот(орый) в прошлом году приезжал в Москву). (sic!) [coc] молодой славист Илек прочел доклад о твоей книге *Культура языка*. В прениях приняли участие Матезиус, Карцевский, славист Гавранек, теоретик стиха Мукаржовский и я. Матез(иус) отметил большое сходство твоей книги с работой одного американского лингвиста, появившейся в недавно вышедшем первом выпуске американского лингвистического журнала “Langage” (sic!) и вызвавшей протесты ряда европейских консервативных лингвистов. Далее он сопоставил твою книгу с недавно вышедшей в Осло работой Есперсена на ту же тему и признал за твоей более радикальную и последовательно утилитарную постановку вопросов. Особенно интересна, по мнению Мат(езиуса), в твоей книге [постановка] характеристика специфических особенностей газетного языка. В этом

вопросе участники дебатов сделали ряд дополнений. Я подчеркнул чисто програмный (sic!) характер выступлений твоего, Есперсена и др. в вопросе о роли лингвистики в культуре языка. Ничего конкретного и не может быть сказано, потому что накопленный за последние сто лет лингвистикой опыт беспомощен перед этими задачами. Лингвистика последних ста лет практически абсолютно неприменима. Научная мотивировка пуризма блеф. Далее я пытался вскрыть исторические предпосылки и функции пуризма в истории языка. И по этому вопросу разгорелся спор. Карц(евский) говорил о значении патрицианской традиции в ист(ории) литер(атурного) языка, которую ты пытаешься заменить чисто утилитарно-рациональными моментами. Гавранек пытался определить предпосылки развития сокращений, особенно настаивая на их первоначальном – оптическом характере. Так, Гришка, становясь европейской знаменитостью» [1. С. 379]. Кстати, Г.О. Винокур в 1928 г. на одном из заседаний Пражского лингвистического кружка сделал доклад на тему: «Лингвистика и филология» [Там же. С. 378].

1920-е годы – чрезвычайно интересный и важный этап в становлении исследовательской позиции Г.О. Винокура, так разносторонне одаренного видеть, слышать и понимать слово в тексте и за текстом. Этот период филологического взросления ученого выражен уже в концептуальном понимании кризисных явлений науки XX века и поиске новых методологических подходов к решению задач языкознания. Примечательно, что Г.О. Винокур все время ищет точку опоры современной филологии и находит ее в следующем: «Переживаемый в последнее время научным языкознанием кризис в результате должен *приблизить* (курсив наш. – О.Н.) языкознание к филологии, для которой слово есть ничто иное, как культура в ее специфическом выражении; это и должно дать лингвистике возможность ставить вопросы языка не только как вопросы культурной истории, но также как вопросы к у л ь т у р н о г о б ы т а . На этой почве возможным становится “прикладное языкознание”, которое мыслится мне как своего рода “лингвистическая технология”, на основе научного знания решающая практические вопросы социального речевого, так сказать, “поведения”» [3. С. 5].

Здесь же, в предисловии к 1-му изданию, он говорит о том, что необходимо «снова поставить в центр нашего культурного внимания вопросы языка и стиля», и рассуждает о возможностях приобщения широких социальных масс к осознанию живого чувства языка. «Нужно ли здесь напоминать, что т о л ь к о ч е р е з я з ы к вообще возможна культура?» [Там же. С. 4] – так формулирует проблему Г.О. Винокур. «Эта задача широкого общественного лингвистического воспитания должна быть выполнена. Но как? Вообще говоря, здесь возможны два пути: первый путь – традиционный и обычный – есть путь пуризма. Путь второй есть путь науки. Я предпочел путь второй – не проповеднический, учительски-морализующий, а научный.

Мне казалось более правильным показать, что такое язык и каково его содержание, нежели петь дифирамбы “прекрасному и свободному русскому языку”, продолжать “охранительную традицию” под сенью авторитета русской классической литературы и ужасаться “новых словечек”» [Там же. С. 4–5].

Поэтому ясно, почему в данной работе «Язык НЭПа» (=быта), «Язык газет», «Язык типографии» (=прессы) более важны, чем речевая практика футуристов и искусство литературно обработанного слова. Все дело в *новой* «технологии», которую осваивает и применяет Г.О. Винокур. И здесь он выступает как замечательный стилист, тонко чувствующий движение духа эпохи, ее словесных интонаций. В статье, сопровождающей 3-е издание книги, Л.П. Крысин справедливо замечал: «Автор отстаивает важный основополагающий тезис: в языке и в речевом общении все должно быть на своем месте (значительно позднее, в работах последователей Г.О. Винокура, этот тезис был назван принципом коммуникативной целесообразности). Недаром главу “Лингвистика и стилистика” он предпослал в этой книге другим главам, в которых рассматриваются язык быта, язык прессы, особенности использования русского языка в поэтических и прозаических текстах. Постулат о стилистической уместности языковой единицы позволяет рассматривать язык не в виде набора застывших и раз и навсегда данных правил, а в виде динамической, коммуникативно организованной структуры, которая чутко реагирует как на закономерности своего внутреннего развития, так и на внешние, в том числе социальные, факторы, влияющие на языковую эволюцию и на формы использования языка в разнообразных условиях речевого общения» [4. С. 4–5].

О Григории Осиповиче Винокуре почти не говорят как о компаративисте и редко – как о философе языка [5]. Заметим, однако, что почти вся творческая деятельность Московского лингвистического кружка, в котором пестовался талант ученого, была направлена на сравнительное изучение языков и литератур, на осмысление и реализацию идей Фердинанда де Соссюра. А ранние рецензии Г.О. Винокура на важные научные события его времени как раз свидетельствуют о том, что интеръязыковая и интеркультурная проблематика была для него привычным ремеслом [6].

Действительно, работ, посвященных конкретно сравнительно-историческому языкознанию, у Г.О. Винокура немного, и они по большей части были изданы значительно позднее времени их написания. Это статьи «О возможности всеобщей грамматики» (рукопись 1927 г., опубликована в 1988 г.) и «Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике» (середина 1940-х гг., опубликована в 1957 г.).

В первой из них ученый обсуждает философско-лингвистические идеи Э. Гуссерля, А Марти, Г.Г. Шпета, чьи подходы к изучению общего языкознания были в какой-то мере созвучны мыслям Г.О. Винокура, стремившегося к «объединению проблем общей лингвистики и поэтики» [7. С. 70]. Автор анализирует содержание термина, его включенность

в семасиологию и «дескриптивную психологию языка» и в ходе дискуссии со своими оппонентами высказывает интересные суждения. Вот одно из них: «В наше время всякое почти “введение в языковедение” начинается с того, что пробует отыскать отличительные признаки “языка слов” среди всех прочих мыслимых “языков”. Усилия эти естественно направлены на то, чтобы обнаружить особый и специфический характер отношения между словесным знаком и его содержанием. Далеко не всегда, однако, принимается при этом в расчет, что специфичность этого отношения можно понять только тогда и только после того, как отысканы специфические моменты во внутреннем строении с а м о г о с л о в е с н о г о з н а к а . Для того чтобы уразуметь, чем отличается словесное выражение от многообразных иных отношений между “обозначающим” и “обозначаемым”, как, например, отношений симптома, сигнализации, эмблемы, этикетки и т.п., нужно, следовательно, прежде всего знать, что сам словесный знак в свою очередь есть не что иное, как о т н о ш е н и е , притом отношение непременно с т р у к т у р н о е » [8. С. 80–81].

Главное противоречие идеи всеобщей грамматики заключается, по Г.О. Винокуру, в том, что «все то в языке, к чему можно было бы применить характеристику «неизменного внутреннего» при «подвижном внешнем», неизбежно оказывается за пределами самого языка как *sui generis* исторической вещи, т.е. за пределами грамматики» [Там же. С. 85].

Статья завершается размышлениями Г.О. Винокура о необходимости «различать всеобщую грамматику *resp.* поэтику и т е о р и ю я з ы к а *resp.* п о э з и ю ». Ученый полагал, что их надо связывать «с соответствующими проблемами ф и л о с о ф и и — философии языка и философии поэзии. Пусть действительно у разных языков и у разных социальных единиц разный синтаксис; пусть у каждой поэтической школы и у каждого литературного законодателя своя поэтика. Однако в педагогических и так сказать научно-ориентировочных целях не только полезно, но и необходимо бывает взглянуть на сами эти несовпадения в одной картине с р а з у , чтобы освежить свою память наблюдением над тем, что вообще в о з м о ж н о и какие частные ф о р м ы встречаются в соответствующих областях» [Там же. С. 89–90].

Кроме указанных имен, в статье фигурируют также и крупнейшие индоевропейцы Ф. Ф. Фортунатов, В.К. Поржезинский, А.А. Потенба, литературовед А.Н. Веселовский, философ и историк Б. Кроче, француз Ш. Балли, чьи мысли об «общевропейской стилистике» импонировали Г.О. Винокуру, шведский лингвист А. Норин и др.

Пожалуй, из всего наследия Г.О. Винокура эта работа — самая философская. Она показывает ученого как знатока европейской лингвистической и культурно-исторической традиции, как мыслителя, вхожего

в системное освоение генеалогии механизмов всеобщей грамматики слова – от Аристотеля до типологии и структурализма. В.П. Григорьев справедливо назвал данную статью «интерлингвистической компонентой филологического мировоззрения» [9. С. 6] Г.О. Винокура, выразив самую суть его компаративистской методологии, в основе которой лежала борьба за новое направление в науке – лингвистическую поэтику.

Во второй статье ученый анализирует полемику американского дескриптивиста Л. Блумфильда с представителем «менталистского» направления Л. Шпицером, касающуюся философских основ лингвистического мировоззрения и в целом подходов к анализу языковых явлений. Г.О. Винокур стоит на твердых научных постулатах, далеких от «языковедческого фольклора» и в оценке взглядов ученых прямо говорит: «Но язык – это не только грамматика, не только структура: ведь реально он дан нам только в живых актах чувственно воспринимаемой речи. Рядом с “анатомией” языка существует его “физиология”. Потому-то и нельзя изучать язык вне общества, вне различных форм общественного и индивидуального сознания, вне человеческих чувств» [10. С. 67]. Г.О. Винокур выступил также против позиции Л. Шпицера о значимости той или иной сторон языка для науки. В пересказе ученого это звучало так: «...лексика “важнее” фонетики, синтаксис “важнее” морфологии...». Г.О. Винокур недвусмысленно заявил: «Нет языка без звуков речи, но звуки речи в языке, действительно, непременно что-то означают, т.е. различают слова и морфемы. Фонетика, которая игнорирует эту функцию звуков речи, т.е. фонетика “механическая”, есть поэтому абсурд. Но Шпицер, очевидно, думает иначе, судя по его выпад против “фонологической моды”. Ему, по-видимому, очень бы хотелось, чтобы язык состоял из чего-либо совершенно эфемерного, воздушного, спиритуалистического, представлял собой своеобразное средство телепатии. Но в действительности дело стоит иначе» [Там же. С. 68].

Г.О. Винокур в своем анализе идей Л. Шпицера высказал немало ценных общелингвистических идей: о вторичных и третичных реакциях на язык, о методах психологии и языкознания, о расширении границ научных исследований и т.д. Так, он писал: «...подлинная лингвистика не “объясняет”, а анализирует язык просто потому, что она и не в силах сама что-нибудь действительно объяснить в языке» [Там же]. И далее: «Я готов идти дальше и утверждать, что изучение самого по себе языка вообще не может открыть нам, что именно в нем выражено. Это нам открывается только историей, социальным опытом, обычаями и т.п. той среды, язык которой изучается. Поэтому лингвисту все это должно быть дано заранее, в качестве результатов опыта, долженствующего быть названным филологическим в точном смысле слова» [Там же. С. 68–69]. «Антименталистов» в лице Л. Блумфильда Г.О. Винокур предостерегал от попыток «объяснять язык из самого языка», от использования

принципов «механистической философии, игнорирующей специфичность социального предмета» [Там же. С. 69].

Примечательно, что данная работа Г.О. Винокура была опубликована в период «оттепели» в советском языкознании, когда подобные отклики на публикации западных ученых были допустимы и демонстрировали иной подход к лингвистической методологии в годы дискуссий о структуральной лингвистике, которая развернулась на страницах «Вопросов языкознания».

В представленных статьях поражает и то, как Г.О. Винокур свободно полемизирует с учеными, с ходу включается в дискуссию, настойчиво, смело и порой бескомпромиссно отстаивает свою позицию грамотной логикой блестящего интеллектуала, соперничающего с лучшими философами и лингвистами, и в то же время очень деликатно обсуждает концептуальные проблемы научного познания, признавая достижения своих оппонентов.

Здесь уместны слова С.И. Ожегова, который так сказал об исследовательском таланте Г.О. Винокура: «В нем прекрасно сочеталось живое чувство современности, чувство нового с творческим продолжением прогрессивных направлений русской дореволюционной науки... [Он] одинаково свободно себя чувствовал и в сфере языкознания, и в сфере литературоведения, и в сфере истории» [11. С. 460]. В этом, наверное, и заключается секрет научного мастерства ученого, для которого не существовало культурных и идеологических границ. Он ощущал себя в равной мере таким же европейцем или американцем в научном мышлении и всегда жил с пониманием независимости идей от внешних проявлений и духовной ценности исторического опыта в филологии.

Это почти всё, что Г.О. Винокур написал по компаративистике. Между тем, если вчитаться даже в известные его книги и статьи, можно найти немало примеров общелингвистического «брожения» идей. Ученому как будто тесно в пределах только одной языковедческой традиции. Его влекли более широкие, культурно значимые события, где подлинное искусство слова с его тонкой «винокуровской» полемической интонацией перерастало «в проблемы искусствознания» [12. С. 104]. Отчасти поэтому компаративистские идеи Г.О. Винокура именно в области языкознания не получили развития и не вылились в более объемные труды. Этому могла воспрепятствовать идеологическая и научная атмосфера 1920–1930-х годов, когда были практически невозможны исследования в русле традиционного фортунатовского сравнительно-исторического языкознания, а ссылки на современных западноевропейских и американских лингвистов воспринимались неоднозначно. Да и сам Г.О. Винокур был поглощен новыми замыслами: работой над «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова и изучением творчества А.С. Пушкина. Но всё же

отмеченные факты отчетливо свидетельствуют, что он был талантливым ученым-компаративистом весьма широкого научного диапазона.

Г.О. Винокур отдал много сил лексикографической теории и практике, которая для него была в первую очередь работой с текстом, с семантикой и стилистической огранкой художественного и бытового слова в культурном пространстве эпохи. Поддавшись уговорам своего учителя Д.Н. Ушакова и, может быть, только ради него он стал работать над большим проектом составления первого нормативного словаря советского времени, который впоследствии назовут *Ушаковским*. Среди соратников Г.О. Винокура по лексикографическому цеху были яркие, талантливые ученые его поколения: В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский. Работа над Словарем шла неровно, с перерывами, во многом из-за внутренних разногласий и нажима «сверху». К тому же приходилось координировать действия московской и ленинградской групп. О сложностях этого дела С.И. Ожегов писал Г.О. Винокуру 22 июня 1933 г.: «С тех пор(,) как Вы и Викт(ор) Влад(имирович) [Виноградов] были у нас в Ленинграде, прекратились всякие известия о Словаре. После радужных надежд — полный мрак. Что теперь у Вас делается? Продолжается ли то движение, о к(ото)ром Вы возвестили нам? Или давно оно уже выдохлось? (...)

Бор(ис) Викт(орович) совсем забыл Словарь, а от Б.А. [Ларина] никак не добиться материалов. Напишите также, сделал ли что-нибудь Д.Н. [Ушаков] по вопросу о пайке для ленинградцев» [РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. № 319. Л. 3 и далее].

Накануне выхода в свет I тома С.И. Ожегов сообщал Г.О. Винокуру: «Дал мне Б. А. [Ларин] вёрстки первого тома. Много еще там опечаток и очень досадных. Они(,) вероятно(,) выправлены, но вот иногда содержание иногда (такой повтор в ркп. — *О.Н.*) приводит в уныние. Самое неприятное — это определения, сформулированные в наивных тонах. Не часто, но попадают такие. В иных случаях даны в чрезвычайно выпяченном штиле (напр(имер)(,) некот(орые) значения в «день»); сразу даже не доходит. Затем попадают слова, разделенные на оттенки, но они сформулированы так, что различия никакого не видно. Утешаться надо тем, что свежие люди не так-то скоро доберутся до того, что видно нам. Для второго изд(ания), если будет такое, придется серьезно поработать над выправлением. (...) Как Вы пишете, положение со 2-м т(омом) серьезное. Надо было бы подумать, пожалуй, о какой-н(ибудь) реорганизации процесса подготовки, о привлечении л(енингра)дцев, но в действительно реальных формах. Я имею в виду разгрузку в нек(отом) отношении Д.Н. [Ушакова]. Когда приедете, надо подробно поговорить об этом, чтобы выход 2-го тома не стал мифом» [РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. № 319. Лл. 6—6 об.].

После ареста и ссылки в 1934 г. В. В. Виноградова дальнейшая работа над Словарем была приостановлена: выпущенный в 1934 г. I том был фактически уничтожен цензурой и заклеимен дискуссией конца 1935 г.,

спровоцированной публикацией статьи противников Словаря «Игруны» [13. С. 4]. Отголоски событий того времени содержатся в воспоминаниях участников обсуждения Словаря, которые находились буквально под прицелом марристов. В письме Б. А. Ларина Д. Н. Ушакову 5 января 1936 г. так говорилось об итогах заседания Института языка и мышления в Ленинграде 23 декабря 1935 г.: «Победителями нас никак назвать нельзя, *хотя противник и был сильно побит и обесчещен* (авторское подчеркивание заменено курсивом. — О. Н.). В кругах наиболее культурных наша защита Толкового Словаря *признана блестящей и по организованности* и по форме, и по содержанию, но средний и запуганный слушатель ушел под впечатлением “острых и неопровержимых” политических обвинений, под впечатлением длинного ряда высказываний об антисоветскости и буржуазном тоне и содержании Т(олкового) Сл(оваря). Не знаю, удастся ли Апт(екарю) напечатать свою длиннейшую рецензию, повредит ли он Вам и Винокуру, добьется ли он отстранения от этого дела старой редакции...» [Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 136. Л. 16 и далее].

В обновленном виде I том издан снова в 1935 г. [14]. После нескольких лет перерыва наконец-то выходят II, III и IV тома Словаря, и все было завершено в 1940 г. Это был уникальный опыт создания нового тезауруса, основанного на принципах нормативности, стилистической и орфографической грамотности. В условиях жесткого противостояния марризму и политической конъюнктуре того времени составители Словаря мужественно отстаивали подлинные научные ценности и стремились сохранить лучшие традиции лексикографической работы с текстом. Немалая заслуга в этом деле была и Г.О. Винокура, которого его многолетний оппонент В. В. Виноградов еще в 1930 г. назвал «неутомимо деятельным и тонким словароспецом» [РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. № 270].

Когда работа над Словарем уже закончилась, Г.О. Винокур с теплотой вспоминал годы общения с Д. Н. Ушаковым: «Как живой свидетель этой последней работы Дмитрия Николаевича, с которым я проводил не одну бессонную ночь над толкованием отдельных слов, я хотел бы сказать, что эти бессонные ночи для меня совершенно неповторимы и незабываемы, потому что иногда по самому мелкому поводу возникали многочасовые беседы, уводившие нас очень далеко от прямого предмета наших обязательных в то время занятий, с далекими экскурсами в историю языка и в отдельные стороны общего языкознания» [15].

Литература

1. *Якобсон Р. О.* Московский лингвистический кружок / Подготовка текста, публикация, вступит. статья и примечания М.И. Шапира // *Philologica*. 1996. № 3 (см. также: Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН. Рукописный отдел. Ф. 20. Московский лингвистический кружок. Л. 81).

2. Баранкова Г. С. К истории Московского лингвистического кружка: Материалы из Рукописного отдела Института русского языка // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999.
3. Винокур Г. Культура языка: Очерки лингвистической технологии. М., 1925.
4. Крысин Л. П. О книге «Культура языка» и ее авторе // Винокур Г. О. Культура языка. М., 2006.
5. Ср.: «Винокур даже на родине до самого последнего времени расценивается прежде всего как *русист*. (...) Общелингвистическая его концепция, значение его работ для общего языкознания и сегодня ещё только подлежат выявлению и осознанию» (Гиндин С. И. Друзья в жизни — оппоненты в науке // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 60).
6. См., например, такие работы Г.О. Винокура, как: [Рец.]: *Mazon A. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914–1918)*. P., 1920 // Новый путь. 1921. 8 мая. № 79. С. 4 (подпись Л. Кириллов); [Рец.]: История культуры и литературы: *Котляревский Н.* Деятнадцатый век: Отражение его основных мыслей и настроений в словесном художественном творчестве на Западе. Пб., 1921 // Новый путь. 1921. 22 июня. № 115. С. 4 (подпись Л. Кириллов); [Рец.]: *Петерсон М. Н.* Очерк синтаксиса русского языка. М.-Пг., 1923 // Леф. 1923. № 3. С. 165–167; [Рец.]: *Якобсон Р., Богатырев П.* Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин, 1923 // Там же. С. 173; [Рец.]: *Якобсон Р.* О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин, 1923 // Печать и революция. 1923. Кн. 5. С. 274–276.
7. Иванов Вяч. Вс. [Предисловие] к: Винокур Г. О. О возможности всеобщей грамматики // Вопросы языкознания. 1988. № 4.
8. Винокур Г. О. О возможности всеобщей грамматики // Вопросы языкознания. 1988. № 4.
9. Григорьев В. П. Предисловие // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 1991.
10. Винокур Г. О. Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике // Вопросы языкознания. 1957. № 2.
11. Ожегов С. И. Памяти Г.О. Винокура // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001.
12. Винокур Г. О. Русский язык. Исторический очерк // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
13. Казимирский К., Аптекарь М. Игруны // Лит. газета. 1935. 20 октября.
14. Никитин О. В. Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь» // Микроязыки. Языки. Интеръязыки: Сб. в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С. Н. Кузнецова. Tartu, 2006. С. 459–474; Никитин О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): Монография. Славянск-на-Кубани, 2012; Никитин О. В.

«Ушаковская эпопея» (неизвестные страницы знаменитого словаря) // Русская речь. 2016. № 3. С. 51–62.

15. Из выступления Г.О. Винокура на совместном заседании филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Института языка и письменности АН СССР 23 июня 1942 г., посвященном памяти Д. Н. Ушакова. Цит. по изд.: Памяти Д. Н. Ушакова (к 50-летию со дня смерти) [публикация Н. Д. Архангельской и Т. Г. Винокур] // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 3. С. 68.

Московский государственный областной университет

(Окончание в следующем номере)